

The article considers the peculiarities of the English-Belarusian poetic translation using the originals in the 50's and 80's of the 20th century. The main translation strategies used by Y. Hauruk, U. Dubouka, and J. Semiazhon are revealed. There is a continuity with the translation traditions of the previous stage (1920-1940s), as well as signs of development and transformation of the tradition in the late 1980s.

УДК 81'42:[811.112.2+811.161.3]

Н. И. ВЛАСЮК

г. Гродно, УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматриваются основные особенности немецкого и белорусского политического и экономического дискурсов. В результате проведенного исследования удалось выявить их общие и отличительные черты.

Интерес современной лингвистики к национально-культурным особенностям политического и экономического дискурсов не случаен: именно он призван выделять дискурс какой-либо страны из общей массы, показывая самобытность и специфику этнических черт. Это позволит глубже осознать замысел дискурса, суть и задачи обращения к адресату, а также облегчить понимание текстов политической и экономической тематики.

Национально-культурные характеристики политического и экономического дискурсов являются объектом разносторонних изучений в языкознании. Исследователями выявлены и описаны их языковые особенности и признаки, факторы, влияющие на национально-культурную специфику дискурса. Однако данный вопрос все же не является достаточно разработанным и всесторонне раскрытым. Это делает необходимым его более детальное изучение с точки зрения тематической специфики, лексических особенностей и целевой направленности.

Для политического дискурса как коммуникативного явления характерно наличие ряда «ключевых слов», «протокольных слов или предложений», клише и штампов. Политический дискурс ориентирован на стандарт и экспрессию, обеспечивая цельность и системность отдельных газетных текстов. «Протокольные слова или предложения» рассматриваются нами как форма объективной интерпретации высказываний политика.

Р. М. Блакар отмечает, что между терминологией языка, с одной стороны, и социальной властью и ее осуществлением, с другой, существует тесная взаимосвязь [2, с. 28]. Так в лексике немецких политиков нашли свое отражение важные политические события, затронувшие в последние годы все сферы жизни общества. После воссоединения ГДР и ФРГ в стране начали появляться новые слова и исчезать старые из активного употребления. Еще в начале 90-ых употреблялась лексика, характеризующая эпоху ГДР: *die Akten der Stasi, Ossis und Wessis, das SED-Regime* (акты штази, осси и веси, режим СЕПГ) и др.

Опорным словом в речах немецких политиков на экономические темы, как показывает собранный нами материал, является «die Wirtschaft» (экономика), употребляемое, как правило, в модели «прилагательное + die Wirtschaft»: *die soziale Marktwirtschaft; zeigt uns den Weg zu ökologischen Wirtschaft; eine wettbewerbsfähige Wirtschaft* (социальная рыночная экономика; показывает нам путь к экологической экономике; конкурентоспособная экономика).

Говоря о задачах в экономике, политики используют термины из области строительства (*Restoration, Umbau der Industriegesellschaft* – реставрация, перестройка индустриального общества), а также слова, обозначающие движение и изменение состояния (*das Land bewegt sich, der Weg zur ökologischen Wirtschaft, Reformbereitschaft* – страна движется, путь к экологической экономике, готовность к реформам).

В своих выступлениях политики обычно затрагивают те темы, которые интересны для широкой аудитории. Отбираемые при этом термины ориентированы на фоновые знания аудитории, и, таким образом, неизбежно происходит процесс деспециализации терминов, их популяризации, введения их в широкий обиход.

Значение нового термина в некоторых случаях частично раскрывается пояснительным контекстом, что представляет собой первый этап на пути к деспециализации термина:

1. *Der Ermittler muss die sogenannte „Unrechtsvereinbarung“ nachweisen, also: dass die Bestechungshandlung und die darauf folgende Diensthandlung des Beamten in einem Zusammenhang stehen* [10, с. 132]. – Следователь должен доказать так называемое «согласование незаконных действий», т. е. то, что дача взятки и последующие за этим служебные действия официального лица находятся в непосредственной связи.

2. – *Wir müssen den Wandel in der Informationsgesellschaft noch schaffen.*

– *Was verstehen Sie darunter.*

– *In der Industrie des 20 Jahrhunderts war es bislang entscheidend, über die Produktionsfaktoren Arbeit, Kapital und Boden zu verfügen. Für die Zukunft müssen wir lernen, die Information als vierten Produktionsfaktor zu benutzen. Künftig wird im Wettbewerb zunehmend derjenige vorn liegen, der sich am schnellsten Informationen verschaffen und nutzen kann* [8, с. 16].

– Мы еще должны осуществить переход к информационному обществу.

– Что Вы понимаете под этим?

– В промышленности 20 века до настоящего момента было решающим наличие таких производственных факторов, как работа, капитал и земля. Для будущего мы должны научиться использовать информацию в качестве четвертого производственного фактора. В конкурентной борьбе в будущем тот победит, кто быстрее всех будет получать информацию с ее дальнейшим управлением и использованием.

В текстах немецких газетных статей часто встречается лексика, характеризующаяся семантической неопределенностью: *Situation, Struktur, Problem, Funktion, Frage* – ситуация, структура, проблема, функция, вопрос и др., например, *sie quälen sich mit Fragen; Probleme haben* – они мучают себя вопросами, имеют проблемы.

Отличительной особенностью языка политики является тенденция к стандартизации. Насыщенность текста речевыми клише – словами, словосочетаниями, устойчивыми речевыми формулами – характерна как для самого политического текста, так и для газетно-публицистического жанра. Клише может выступать в виде отдельных слов (например, мыслительные шаблоны, готовность к реформам – *Denkschablonen, Reformbereitschaft*), словосочетаний (например, прерывать/устанавливать контакты, заключать компромисс, демократические правила игры – *Kontakte abbrechen/aufnehmen, Kompromiss abschließen, demokratische Spielregel*).

Стереотипные языковые средства оказывают большое влияние на формирование ценностных ориентаций читателей, воздействуя на их чувства и эмоции. Однако стереотипы часто рассматривают как негативное явление, хотя не все стереотипные выражения воспринимаются отрицательно. Фактором, обуславливающим негативную оценку стереотипных сочетаний, является высокая повторяемость таких языковых средств. Повторение представляет собой важное средство агитации, но если перешагнуть границу определенного количества повторений, оно может вызвать у читателей отрицательную реакцию [3, с. 45].

Главное различие между клише и штампом наблюдается в степени речевой эффективности в газетном стиле. Клише характеризуется высокой степенью речевой эффективности в сравнении с единицами с низкой степенью. Штамп – это клише, вышедшее из активного употребления, вследствие утраты стереотипными сочетаниями некоторых своих функциональных свойств

из-за неправильного использования в речи или утраты образности/экспрессивности, как следствие частотного и немотивированного использования.

Обширный пласт в современном дискурсе белорусских политиков составляет политическая лексика и фразеология, отражающая едва ли не весь спектр политической и экономической жизни последних лет. В выступлениях встречаются такие слова и составные наименования, как *застой*, *дэмакратыя*, *бюракратычная сістэма*, *карупцыя*, *рэферэндум*, *пераварот*, *суверэнітэт*, *канфрантацыя*, *кансенсус* и многие другие. Многие из этих слов характерны и для советской эпохи.

В условиях развития нашего общества используются термины, соответствующие окружающим нас реалиям: *рынак*, *біржа*, *акцыянаванне*, *ліцэнзаванне*, *холдынг*, *маркетынг*, *менеджмент*, *брокер*, *бізнэс* и другие. Среди них много номинаций, некогда уже бывших в активном употреблении и возродившихся, а также тех, которые входят в язык специалистов как новые заимствования.

В немецком и белорусском политическом и экономическом дискурсах четко прослеживается тенденция к изменению активного лексического запаса: старый пласт слов все реже встречается, появляются и входят в широкое употребление новые слова. Для политического и экономического дискурсов в немецком и белорусском языках характерны также эмоциональные и оценочные коннотации.

Негативно-оценочная лексика также включает различные лексические разряды, в том числе историзмы и архаизмы типа “трубадур”, “вернападданы”; метафорически используемые названия доисторических и мистических животных типа “мамант”, “дыназаўр” и др.

За последние годы эмотивно-оценочная лексика в белорусском газетно-публицистическом стиле значительно изменилась. Многие из перечисленных выше единиц и даже целых разрядов (например, позитивно-оценочные слова с торжественной окраской, негативно-оценочные историзмы и архаизмы) почти полностью вышли из употребления. Другие изменили свою оценочную коннотацию под влиянием перемен ценностной ориентации общества. Изменился практически сам набор языковых средств, используемых в оценочной функции. Так, например, более заметна стала роль лексических единиц, несущих рациональную оценочность. Под рациональной оценочностью понимается такое отношение и видение окружающего мира, когда доминирует здравый смысл, а не эмоции. Они же не учитываются при этом, например,

1. *Вучэнне на аднаўленні вялікага моста праз водную перааблоку прайшло ў адпаведнасці з Планам падрыхтоўкі транспартных войскаў у 2011 годзе* [6, с. 12].

2. *Найбольш значнымі з іх з’яўляюцца ўдзел у будаўніцтве напльўных і часовых мастоў* [6, с. 11].

3. *Адмаўленне і недавер – традыцыйна першы этап станаўлення новага інструмента камунікацыі* [5, с. 9].

4. *Бізнэс паступова прыходзіць у сацыяльныя сеткі* [1, с. 27].

5. *...сацыяльныя сеткі – гэта не СМІ, не медыя* [1, с. 27].

Часто в газетных статьях встречается лексика, выражающая отрицательную оценку. Это может быть непосредственная оценка лица, либо описание его действий, поступков и т. п., например:

1. *Людзі, якія гавораць па-беларуску, не могуць нічога рабіць, акрамя як размаўляць на гэтай мове, таму што па-беларуску нельга выказаць нічога вялікага. Беларуская мова – бедная мова ...* [5, с. 10].

2. *Паверце, што сёння на маскоўскіх каналах сядзіць звычайнае жуллё* [6, с. 23].

3. *Прэзідэнт, паглядзеўшы, у якіх умовах утрымліваецца жывёла на гэтай ферме, падкрэсліў, што такіх ферм у краіне не павінна быць наогул.* [4, с. 32].

Другим источником эмотивной оценочности, широко используемым в белорусском газетно-публицистическом стиле, является сленг. Сленг – терминологическое поле, набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях (профессиональных, социальных, возрастных и иных групп).

Приведем примеры выражения оценочной коннотации, встречаемой в интервью с немецкими политиками:

1. *Sie antworten pragmatisch und unverbindlich wie andere deutsche Politiker auch* [7, с. 11]. – *Вы отвечаете прагматично и нелюбезно, как и другие немецкие политики.*
2. *Kontaktsperre ist ganz falsch* [8, с. 16]. – *Запрет контактов абсолютно неверен.*
3. *Das nenne ich eine schiefe Geschichtsschreibung* [8, с. 16]. – *Это я называю ложное описание истории.*

В этих примерах мы находим слова, имеющие рациональную оценку: *pragmatisch und unverbindlich* – прагматично и нелюбезно, *falsch* – неверно, *schief* – неправильно, ложно. Типичными для речи политиков являются такие рационально-оценочные высказывания как: *Ich halte es für richtig (falsch), dass ...* – Я считаю верным (неверным) то, что ...; *nicht in Ordnung finde ich ...* – по-моему, не в порядке вещей

Заметную роль в формировании средств эмотивной оценки играет метафора, например,

1. *Der ganze Ballast, den diese Partei mit sich schleppt ...* [8, с. 19]. – *Весь этот балласт, который партия тащит с собой ...*
2. *Die kalten Machtspiele ...* [9, с. 9]. – *Холодные игры власти.*

Наиболее яркой чертой политической метафоры в белорусском политическом дискурсе является активное употребление «военных» метафор. Широкое использование данного вида метафоры было характерно как одно из проявлений милитаризации сознания человека в советском обществе, но также нашло применение в речи современных политиков. Следующие обороты постоянно встречаются в речи политиков: *вайна законаў, атака на дэмакратыю, адкрытая дыверсія* и т. д.

Ходовыми в наши дни оказались экономические метафоры кризисного положения, катастрофы, тупика и поиска выхода из них: *знаходзіцца на дне прорвы – выбрацца з прорвы, апынуцца ў тупіку – выйсці з тупіку.*

Подводя итог сказанному, следует отметить, что оценочные коннотации в немецком и белорусском языках обнаруживают ряд общих черт. Существенным стилистическим различием их является то, что в политическом и экономическом дискурсах Германии более заметна роль лексических элементов, несущих рациональную оценочность. Характерной особенностью как для белорусских, так и для немецких проанализированных статей является широкое употребление метафор.

Политический и экономический дискурсы Германии и Беларуси характеризуются следующими национально-культурными особенностями: в тематическом плане лексика и фразеология отражают в современном дискурсе белорусских и немецких политиков и экономистов реалии последних лет.

Современный язык политики в этих странах характеризуется двумя разнонаправленными процессами: процессом деспециализации терминов и тенденцией к их стандартизации.

Слова и устойчивые словосочетания не только называют, но и выражают оценку. Нами установлено, что существенным стилистическим различием эмоциональных и оценочных коннотаций в текстах политической и экономической тематик на материале изучаемых языков является следующее: в немецком языке заметна роль лексических элементов, несущих рациональную оценочность.

В результате вышесказанного можно сделать вывод, что удельный вес эмоционально окрашенной лексики в белорусском политико-экономическом дискурсе выше, чем в немецком.

Список использованной литературы

- 1 Барысенка, С. Твітар журналістыцы не замена / С. Барысенка // Звязда. – 2011. – № 82. – С. 27.
- 2 Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар. – Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1985. – С. 28.
- 3 Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих. – Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – 87 с.
- 4 Валовіч, Г. Аляксандр Лукашэнка патрабуе максімальнай мінімізацыі затрат пры будаўніцтве жывёлагадоўчых збудаванняў / Г. Валовіч // Звязда. – 2011. – № 64. – С. 32.

- 5 Тур, Р. Палітычныя гульні / Р. Тур // Звязда. – 2004. – № 35. – С. 9–10.
 6 Якімчык, А. Наша будучыня / А. Якімчык // Звязда. – 2007. – № 75. – С. 11–23.
 7 Bergmann, A. Die Kraft der Nation / A. Bergmann // Deutschland. – 2008. – № 5. – S. 11.
 8 Ohtub, K. Lohn für die Freiheit / K. Ohtub // Focus. – 2011. – № 8. – S. 16–19.
 9 Scherf, H. Stich zum Ereignis / H. Scherf // Deutschland. – 1998. – № 3. – S. 9.
 10 Seer, P. Heimliches Rätsel / P. Seer // Focus. – 2012. – № 7. – S. 132.

This article examines the main features of the German and Belarusian political and economic discourse. As a result of the research, it was possible to identify their common and distinctive features.

УДК 811.161.3'42'373.2:641.1:398.95(476.2-37Гомель)

А. М. ВОІНАВА, А. М. ПАЛУЯН

г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
 імя Францыска Скарыны”

ТРАДЫЦЫЙНЫЯ НАМІНАЦЫІ СТРАЎ У ГАВОРКАХ ГОМЕЛЬСКАГА РЭГІЁНУ

У артыкуле разглядаюцца намінацыі традыцыйнай ежы як часткі абрадавай лексікі беларусаў. Апісваецца лексіка, зафіксаваная на тэрыторыі Гомельскай вобласці і сабраная падчас фальклорных і дыялекталагічных экспедыцый студэнтаў і выкладчыкаў Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Ф. Скарыны. Праведзена падрабязная семантычная класіфікацыя назваў ежы, даюцца шляхі пранікнення іх у беларускую мову, вызначаны тыпы структурнай матывацыі.

Лексічны склад любой мовы змяшчае шмат адзінак, аналізуючы якія могуць быць выяўлены лінгвакультуралагічны патэнцыял мовы, спецыфіка нацыянальнага менталітэту, растлумачаны гістарычныя факты. З’яўляючыся часткай культурнай традыцыі, абрады і звычаі, куды ўваходзіць і спажыванне ежы, адлюстроўваюць найбольш значныя характарыстыкі для гэтай культуры, з’яўляюцца прадметам філасофскіх, сацыялагічных, псіхалагічных і лінгвакультуралагічных даследаванняў. Многія вучоныя прадметам даследавання культуралогіі лічаць адзінкі мовы, якія ўзнаўляюцца ў моўнай камунікацыі на аснове культурных каштоўнасцей і якія набылі сімвалічнае, эталоннае, вобразна-метафарычнае значэнне. Такія адзінкі ўключаюць лексемы, якія абазначаюць намінацыі традыцыйных праяўленняў матэрыяльнай культуры. “Вывучэнне мовы, лексікі праз гісторыю культуры, матэрыяльнай і духоўнай, уяўляецца вельмі перспектыўным. Безумоўна, узбагачэнне тут мае ўзаемалежны характар. Веданне этымалогіі слова, яго структуры дапамагае глыбей пранікнуць у гісторыю названай рэаліі, зразумець яе быццам знутры” [1, с. 20].

Аналіз лексікі, звязанай з намінацыямі страў, прадуктаў харчавання, напояў, мае важнае значэнне для даследавання гісторыі беларускага народа, высвятлення культурных і моўных зносін паміж народамі перш за ўсё таму, што “ў параўнанні з іншымі элементамі матэрыяльнай культуры лексіка, звязаная з народнай кулінарыяй, больш устойліва захоўвае старыя традыцыі, што асабліва тычыцца святочнай і абрадавай ежы” [2, с. 127]. Ежа, з аднаго боку, – натуральная патрэба, умова жыццядзейнасці і здаровага ладу жыцця, а з другога – этнакультурная з’ява, што адлюстроўвае народныя веды, традыцыі, рэлігійныя ўяўленні, этыкет, сацыяльную прыналежнасць, уклад жыцця і стан грамадства.

Аб’ектам нашага даследавання з’явіліся назвы страў і прадуктаў харчавання, якія выкарыстоўваюцца на тэрыторыі Гомельшчыны, якая ўваходзіць у рэгіён Беларускага Палесся. Гэта акалічнасць дазваляе высветліць моўна-культурныя кантакты паміж этнасамі. “У зонах